

ИННА БОРИСОВА

ВЕЩЬ
И
ДРЕВЬ

РИПОЛ
КЛАССИК

Посвящается Разуванову Р. А.
и удивительным местам,
в которых удалось побывать

Традиция — это передача огня, а не поклонение пеплу.

Г. Малер.

Про Толка

ы потерялся?

Толику Лебедеву уже шесть с половиной, и он считает, что он достаточно взрослый, чтоб ходить в соседний двор, пока бабушка занята разговорами на лавочке. В соседнем дворе играют дети постарше, и наблюдать за ними интереснее. Настоящий футбол, как в Ленинграде! В Ленинграде каждый уважающий себя мальчик должен уметь играть в футбол. Толик задирает голову, щурит светлые глаза на незнакомку.

— Вы тоже потерялись? — Ему очень хочется казаться взрослее, чем он есть.

— Может быть. Пойдем, я тебя к бабе Шуре отведу. — Незнакомка протягивает ему руку. Толик смотрит на нее с подозрением.

Инна Борисова

— Мама говорила, что нельзя с незнакомыми ходить. Как вас зовут? — Он выпячивает губы, хмурит жидкие светлые брови.

— Эмаг. А тебя как?

— Мама говорила не говорить незнакомцам своего имени. — Толик чувствует себя очень умным. Все сделал, как мама сказала, его не проведешь.

— Хорошая у тебя мама. — Она присаживается, мальчик аж рот открывает. Какая красивая! — А что сделать, чтоб ты пошел?

Толик тянет вперед руку, хватает густые волосы и дергает за них, пытаясь вытащить из косы тополиный пух, но Эмаг лишь тихо смеется.

— Хочу сказку. Но для взрослых, мне скоро в школу.

Женщина задумывается.

— Тогда обещаешь, что пойдешь к бабушке?

Толик кивает с очень важным видом.

— Обещаю.

Эмаг стряхивает пыль с его маленькой маечки, платком вытирает лицо. Все правильно, чтоб баба Шура была довольна.

— Жил давным-давно один мужчина, и звали его Ижанд. Был он страшно охоч до власти, а потому жену свою разорвал на куски и раскидал по лесу, чтоб не мешалась. Но жена у него непростая была. Была она матерью всех мертвых, — Эмаг переходит на шепот, Толик распахивает глаза, прикрыв рот ладонью. Вот это да! Вот это сказка! Мальчишки обзавидуются. — И каждая капля ее крови, что пролилась, расцветает чудесными плодами там, под землей, где мертвые живут. Представляешь?

Верь/не верь

Толик представляет. Воображение ему очень живо рисует картинку.

— А что с ней стало дальше? — он шепчет в восторге.

— Говорят, теперь она бродит по земле и ищет себе нового мужа, чтоб после смерти с ним воссоединиться, только умереть не может, пока все кровавые плоды не соберут ее дети. — Эмаг ему очень ласково улыбается.

Толик задумывается. Бабушка как-то сказала про него, что жених растет.

— Я бы стал ее мужем, если она такая же красивая, как вы. — Толик искренне считает, что после такой истории он точно станет королем двора, когда вернется от бабушки обратно в Ленинград.

— А не пожалеешь о своих словах? — Эмаг хитро щурится.

— Не-а. Вы красивая. Вот я вырасту и всех победю, и дядьку этого кровожадного! — Толик выпячивает грудь колесом, чтоб показать, какой он смелый.

— При жизни можешь на ком-то другом жениться. Но после смерти — на мне. Договорились? Бабушке не скажешь?

Толик жует губы, раздумывая.

— Договорились!

— Тогда я тебя подожду.

Где ты был на
самом деле?

ривет.

Извини, что не позвонил, но тебе, наверное, уже доложили. Я теперь в армии и надеюсь, что не дам дуба за эти два года. Если тебе интересно, как так получилось, одно слово: майор. Это была спланированная подстава, так что радуйся: я признаю, что был не прав. Ты говорил, что красным верить нельзя. Алина не в счет, само собой. Лучше расскажи мне, что там в городе происходит, тут каждый день как предыдущий.

Гриша, 10.12.1990

Все изменилось за два года. Кроме здания вокзала, оно как было на реставрации завешено строительными сетками, так и осталось. Толпа рвется на выход, Гриша оглядывает станцию в надежде, что кто-то приехал его встречать.

Верь/не верь

Кому бы, с другой стороны? Только Володька был в курсе времени возвращения, святоша проклятый. У него лицо было такое смешное, немного щекастое, рябое от не прошедших тогда подростковых прыщей, речи про Господа через слово. Провожал его тут же, на перроне, чихал от холода и храбрился, обещал молиться каждый день. Советскому человеку должно быть это чуждо. Но какие уж они теперь советские люди. Так, россияне.

Бог. Слово такое странное. Гриша бы все же поостерегся писать его с большой буквы. Мало ли, черти обидятся.

Володя обнаруживается на другой стороне платформы, поезд пронзительно сигналил и медленно трогается с места. Вроде цикл завершился, и не изменилось ничего, а на самом деле механика реальности перестала работать как прежде. У Володи теперь очень серьезное лицо, эдакий поп с советских карикатур: с хлипкой бородачкой, скуластым лицом и удивленными глазами. Гриша машет ему, болезненно искривив губы. Так и рвется гадкий комментарий, но нужно быть благодарным, что хоть кто-то пришел.

Черносвитов писал ему очень многословные письма. О том, что Союз рухнул, о том, что церковь восстанавливают с отцом. Да много о чем. Девочку бы лучше себе нашел, а не иконы лобызал. Очень красочно Володя выражал обеспокоенность ментальным спокойствием Гриши, переживал, что в их возрасте смерть видеть нельзя. Ну, ему хорошо говорить, его-то папаша отмазал. Он писал, что армия ломает людей, а если не ломает, то превращает в скорбящих на пьяную лавочку, замкнутых в себе и покалеченных навсегда. Может, и не ошибается, Гриша не знает. Он подходит ближе, не зная, как себя вести. Обнять? Но прикосновения кажутся

Инна Борисова

неуместными. Пожать руку? Может, просто кивнуть? Черносвитов берет инициативу, крепко обнимая.

— Я так рад тебя видеть. — Улыбается тепло. У него улыбка выдавшего жизнь старика, какая-то особенная, такой хочется верить, но больше не понимает. Теперь вообще все кажется пластиковым и ненастоящим, тронешь, и мир пойдет рябью, а ты снова проснешься в горячей точке. — Поехали, я тебе церковь покажу. Автобус нормальный пустили, представляешь? Теперь можно по два часа не ждать. Добрейший Андрей Павлович пожертвовал на купола, вот, поставим скоро, уже заказали. И иконостас тоже делают.

Гриша кивает. Раньше он ходил с Володей на сходки верующих, но так ничего и не понял. Библия была одна, переписанная вручную, передавалась на ночь от одного к другому. Очередь до него не дошла, чему он был крайне рад, а потом все стало легальным.

— А Евангелие купили? — задает вопрос невпопад, переминается с ноги на ногу. Чувствует себя очень неудобно, как будто камуфляж выбивает его из общей композиции вокзала. Черносвитов кивает. Очень уж повзрослел, непривычно. Гриша, наверное, тоже, но Гриша на себя и не смотрел толком, зеркала не выдавали вместе с винтовкой. Мельком только взгляделся пару раз в мутном, заплеванном зеркальце вагонного сортира и махнул рукой — дома успеет налюбоваться. Володя поджимает губы, растягивая их в улыбку, и снова как-то неловко обнимает, похлопав по плечу. Это типа их в церкви так науськивают на доброту и любовь к ближнему? Гриша произвольно дергается. Не надо. Володя пожимает плечами и разворачивается, по-детски перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, чуть не подвернув

Корошки - мамзин

Смешно

Верь/не верь

ногу на выбоине. В подрыснике это кажется совсем уж каким-то абсурдом. Как он, такой добродетельный, умудряется жить и радоваться, пока там, далеко, умирают люди? Как люди вообще могут существовать, не замечая этого?

— Аккуратнее. — Гриша хмурится. Вокзал тут совсем небольшой, больше номинальный из-за реставрации, они обходят его и пролезают в разорванную сетку-рабицу, топают вглубь города.

Тихвин. Вечером в декабре тут совсем темно, недавно как раз самый короткий день был, Бог точно забыл об этом месте, а может, даже не в курсе, что оно есть. Черносвитов вон уверен, что это не так, но кто его, блаженного, слушает в своем уме? Кобальтово-синяя вечерняя улица с яркими янтарными всполохами фонарей. Днем всего лишь очередной серый город с бетонными зубами прямоугольных хрущевок. Армейские ботинки месят грязный декабрьский снег, хорошо хоть с неба не капает. Подозрительно ясно для Ленобласти. Они добираются до автовокзала без приключений. Гриша стреляет сигарету у какого-то помятого похмельем мужика, затягивается с удовольствием. Вкус свободы.

— Так и не бросил? — Володя делает наивное лицо, а глаза хитрые-хитрые, как будто и не осуждает вовсе. Гриша мотает головой, быстро добывая до фильтра.

— После махорки это, как после дерьма повидло. — Сплевывает на пол скорее по привычке, хотя никакой горечи во рту нет. Долго придется к этому привыкать. И купить себе пять кило конфет, медовик, пельменей налепить. Планов на еду в сотню раз больше, чем на жизнь.

Они грузятся в красное брюхо автобуса. Черносвитов со всеми здороваётся, как будто они знакомы, невзирая на безразличие в ответ. Пропускает Гришу к окну, мол,

Инна Борисова

полюбуйся на красоты. Облезлые зимние деревья, ветер катает по площади пакет, разномастная собачья свора трется рядом с ларьком в надежде на скорую наживу.

Автобус с ревом заводится, дрожая не хуже рук бывалого пропойцы, нехотя трогается с места и медленно ползет в сторону дороги на Линдград. В стекле Гриша видит свое отражение в свете желтого глаза лампы. Темные тени под глазами, сухие тонкие губы, обветренное белое лицо, ежик едва успевших отрасти волос. Синие глаза превратились в серые. Может, от скорби?

— Чем заниматься-то планируешь? Ты же в ментовку хотел. — Жизнерадостный Черносвитов достает из сумки пухлые румяные пирожки и сует один в руки, не интересуясь даже, надо ли оно Грише. Может, и надо. Гриша крутит угощение в пальцах с каким-то недоверием, как будто там не капуста, а цианид. Неопределенно пожимает плечами, откусывает. Как это вкусно... Да, муку тоже нужно будет купить.

— Не знаю. Может, в бандиты пойду. Где еще деньги зарабатывать, не продавцом же становиться, — говорит с набитым ртом. Хватается за второй пирожок, поднося к лицу и с наслаждением нюхая. В армии за подобную роскошь что угодно готов был отдать. — В отделе же этот майор ублюдочный работает. — Лицо мрачнеет. — Стану Робин Гудом, буду красть у богатых и отдавать бедным.

— Можешь к нам в церковь пойти. — Володя снова улыбается, наблюдая, как стопка пирожков стремительно испаряется. — Работа по восстановлению, живем на пожертвования. Не шик, но на еду хватает.

Гриша морщится, как от зубной боли.

— Не, ш меня швятой не полушитя. Я ше не ты.

Верь/не верь

Черносвитов обводит всех присутствующих максимально одухотворенным взглядом, даже открывает рот, чтобы что-то сказать, но решает, что для одного вечера хватит мудрости.

— Володь, без обид. Я лучше что-то полезное сделаю, чем кадиллом махать. Котенка там сниму с дерева, бабку через дорогу переведу. А ты о душах заботься. Каждому свое место в мире. — Третий пирожок залетает на ура. Черносвитов кивает, ничуть не обидевшись, и достает термос. — Ты там кухню оборудовал, что ли? Знал, собака, что все сожру? Давай сюда свой чай.

Автобус чуть покачивается на повороте и медленно вползает в город. Ничем от Тихвина не отличается, кроме размеров. Все те же серые здания, замершие в снежном мареве деревья, люди в темной одежде. Но все равно два года назад было немного иначе. Расплодились ларьки, цветастые вывески на каждом доме, мирная советская жизнь закончилась. Гриша с Володей доезжают до церкви. Наполовину покрашена, пристройку отремонтировали, даже ступеньки вон мощеные сделали. Красота.

— Зайдешь? У нас просвирки остались с утренней службы, может, кагор тоже найдется.

И хочется, да только сил на это нет. Гриша мотает головой, пожимает Володьке руку.

— Не сегодня. Я сразу домой. Отоспаться хочу наконец.

Володя скрывается в церкви и тут же возвращается, вручив сигареты и зажигалку.

— Хорошо. Вот я специально тебе купил. Заходи на неделе, поможешь к Рождеству все украсить.

Гриша кивает. Опять ангелов рисовать... Из него художник не бог весть что, конечно. Машет рукой и удаляется

убббшшш-?
мудрости? (шб)

Инна Борисова

в сторону центра. Ларьки натканы на каждом шагу, в оранжевой оконной пасте — по угрюмой морде. Не могли народ поприветливее найти? Хотя это ж Линдград, тут все недовольны. Гриша с интересом тормозит у комиссионки, из которой пряткая старушонка тащит огромный железный таз. И зачем ей?..

Магазин, ларек, аптека, еще ларек, кафе. Откуда тут кафе? Не было раньше ничего. У дверей стоит парочка роскошно одетых барышень, которые вальяжно раскуривают одну сигарету на двоих. Шубы, полупрозрачные колготки, сапоги лаковые на тонкой шпильке и чуть смазанная помада. Сколько же ты пропустил, Гриша? Даже воздух пахнет как-то иначе, как будто грязью и бензином.

В одном из дворов школьники передают друг другу что-то маленькое, с такого расстояния не рассмотреть. Гриша ловит взгляд белобрысой девчонки с красными, как у матрешки, щеками, та лишь морщится, пряча руки в кармане потертой дубленки. Да понял-понял, шел бы отсюда и не совал нос не в свои дела.

Заворачивает за угол, прислоняется к пыльному боку гаража, пытаюсь пропитаться новым духом этого места. Что-то черное, липкое, как смола, с ядовитым запахом денег. Сигарета подрагивает в руках, ребята со двора воровато пробегают мимо, залетая в подъезд с уродливым рисунком желтой утки. Следом вяжется ободранный дворовый пес, тьякая и подпрыгивая. Гриша не понимает, что происходит. Раньше такого не было, по вечерам в такое время года шлялись только бандитского вида личности, а теперь будто весь город не спит. Бродячие собаки, кошки, дети, просто протокольные рожи. Нужно идти дальше.